

МАСЛЕНИЧНЫЕ ТРАДИЦИИ ЮГА ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ПО МАТЕРИАЛАМ
ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

В субботу или воскресенье перед Масленицей отмечают «мясные заговены», после которых мясо не употребляется до Пасхи.

В куньинской традиции последний день, связанный с поеданием мясных блюд, имеет название «Толстая суббота». Трапеза, совершаемая в «Толстую субботу», имеет поминальный характер: «Вот перед етым же самым, пред загывенам, паследний раз мяса кушают. Эта Толстая называетца суббота, паминають радителей. <...> Эта, гаварять, “радители ужинають” в эту субботу, вот паследнюю» (Кун., Гладыши 3283-59).

Как правило, в местной традиции празднование Масленицы начиналось с воскресенья предшествующей недели. «Это всё няделя считалыся – Масленица! <...> Вот, значит, оетых семь дней, всё равно в выскрисенья выхадилы мы вечерам, абязательна вечерам. Выходим и начинаем “Масленицу” [петь]» (Кун., Гладыши 3283-42).

Однако встречаются и другие свидетельства: «Масленица начинаецца – и тады~ ходим у паниделык, Масленку сустрякаим» (Кун., Быково 2431-25). «Начинають масляную няделю празнавать с четвярга» (В.-Л., Борок 1743-08). «Гуляли – пятница, суббота, васкрисення – праздник. А, была, ходють – к аднаму придуть, к другому придуть, к третиму придуть. Так и хадили, гуляли три дня и празднавали» (Кун., Петухи 2559-17).

Весь период празднования был отмечен исполнением *масленичных («масленных», «масленских») песен, среди которых: «А мы Масленицу дожидали», «Пташечка полевая», «На чужой дальней на сторонке»* и др. Обрядовую сущность «масленских» песен раскрывают обстоятельства их исполнения: они звучали на улице, когда женщины собирались в центре села, или во время шествия вдоль деревни; на возвышенных местах – больших снежных сугробах, горках. «Вечерам сабираютца женщины, идуть, где гара есть – на гару, и пають песни – вечерам, вот эти масленые [песни]. Ну, и па дяревне прайдут с песням» (В.-Л., Борок 1743- 08). «Вот, бывала, ведь кричим, усе бабы сабрау ши... Снегу – сумёты, вот на оетат сумёт [заберемся]» (В.-Л., Копылово 1772-20). «Вот, бывала, кагда мы жили в Яхимцеве, дак против нас сабиралисе, аккурат папа жил пасряди деревни... Пасряди деревни сабираютца и песни пають женщины» (В.-Л., Рудня 1720-15).

Выбор места, а также характер звучания песен были связаны с обрядово-коммуникативной направленностью исполнения. При пении голос должен

быть слышен далеко, должен раздаваться по округе эхом: «Кричат, тока атгалоски идут! Бывала, тока стон идёт на оетых гарах! Ишше я была дявушкой, в девках жила, дак бабы как выйдут на гару – памилуй Бог!» (Кун., Войлово 3286-09). «Павыше заберутца и пають эту масленую песню. Ну, штоб выше лесу! <...> Каты были, гнали мы здесь смалу. И вот, бывало, на катёл и злезет, тады он выше лесу – Голас – падымаецца» (В.-Л., Костелево 1719-08).

Обычай пения в Масленицу способствовал общению между жителями соседних деревень. «Вот пайдём па деревне и кричим. И где там слышишь – на Сафронаве пають, и там слышишь. А тут завод был через реку. И там!» (В.-Л., Борок 1743-24).

«Выйдут на МГсленцу – и на гару, и ва усех баках... Выйди вот, паслухай – тока звук звучить, как эта пчала лятить с улья! Тока во усюдых старанах, тольки прислухывайсе, где [поют]» (В.-Л., Борки 1707-28).

Аграрно-магическая функция громкого пения отмечается самими исполнителями: пели громко, для того, «чтобы лен длинный рос» (Кун., Войлово 3286-09).

Масленичные песни исполнялись большой «артелью», при этом в процессе пения функции певиц распределялись особым образом: «Сабиралися женщины – штук десять, пятнадцать. Тадг дуже дабро, вот оета заводишь, а тут падхватывають. И голас хороший, и лёгка, как падводнют, а как аднаму – уже не стянуть. <...> Вот, например, завадиха – и вот заважу, а вот [они] так падводнют, таким матифам. Вот падхватывають маи словы, и с падгийкам.

Так харашо оеты масленые песни! Я заважу оеты песни, и меня падхватывають сейчас женщины оеты артелью...» (В.-Л., Поречье 1740-18, 19). «Такую старушку бывала, вазьмёшь, каторая умеет, а мы, бывала, падводим, как маладей были» (В.-Л., Борки 1707-28).

Порядок исполнения песен был, как правило, произвольным, однако некоторые из сюжетов масленичных песен были закреплены за определенными обрядовыми моментами. Так, песню «*На горе жоров крутился*» следовало исполнять под окном у женившегося этой зимой парня (Кун., Широни 3287-34).

Молодухе адресовалась песня «*Как на нашей горке лён посеян*», которую обычно пели на горе: «Песню пают пра маладую, што маладая – такая-та – “идёт за вадой – вадой абальётся, идёт за агнём – агнём абажжётца”, причитывають к ёй, к маладой. Ета на Масленай пають песни на горке и так причитывають к ёй» (Кун., Назимово 2564-01). Холостым парням исполняли «*На горе дубок зеленек*» (Кун., Долговица 3284-61). В последний день масленичной недели, когда провожали Масленицу, пели «*Мы Масленицу прокатали*». «Масленце в васкресенья канец, и ана и греетца, эта песня. Самая последняя песня – што “пасадила на хрен, на хрен да и на капусту”» (В.-Л., Поречье 1740-23).

ГОСТЕВАНИЯ

Вся масленичная неделя была посвящена посещению и приему гостей. «Полную неделю, бывало, сабираютца. Вот, сѣдни – к тябе в гости, завтра там у другова – канешна, к сваим. Но бываеть, што и к чужим...» (Кун., Усмынь 3286-35).

В Назимовской волости масленичные гостевания получили название «попойки»: «Первые дни – так, как абычна. А патом уж начинаютца – назывались папойки. Севодни папойка у миня, завтра – вон дяревня, в каво-нибудь радни, туда паехали, или у саседа. И всё на лошади, да всё с песнями, всё с прибабуньками» (Кун., Назимово 2564-01).

Обязательным было посещение молодоженами родителей жены, в народе называемое «к тѣще на блины». «Делали сырницу, заливали маслам (творог такой делали, маслам заливали), сырницу аткрыв али, пякли блины, маслили их и зятей угащали. Зетѣв паджидали и угащали» (В.-Л., Борок 1743-08).

В деревне шутили над молодоженами, обливали их водой (Кун., Голубово 2563-19).

ОБРЯДОВАЯ ЕДА

В течение масленичной недели в основном ели молочные продукты – творог, масло, сыр. Варили овсяный кисель, который подавали с молоком, а также делали «сырницу» – творог, смешанный с маслом. Повсеместно пекли блины, которые ели с маслом, сметаной или «сырницей», варили каши из ячменной, гречневой круп.

Сыр к Масленице готовили заранее, процесс его изготовления был достаточно длительным и трудоемким.

«Ну вот, малако паставитя, ано скипить. Патом яго ставишь, кислая, ставишь, в печку. Ано там сдelaетца – твораг. Ну, вот оетат твораг– вмяшо чек тады, бывало. <...> Ну, и кладѣшь пад ка-мень. Паложить. Он сдelaетца сухим. Тагды яго там в кастрюлю, памесишь, пасолишь, тады апять в мяшочек, апять (другий раз) пад камень. Тады он ужо сдelaетца сухой-сухий. <...> Тады в гаршок яго пакрышишь мелка, и маслам заливаешь. Вот ён ста-Цть, можеть, кагда год даже можеть стаять. Тады на Масленицу вот раскалупывають эту. Приносишь вот оетый гаршок, <...> оетый сыр з маслам» (Кун., Усмынь 3286-35).

В четверг на масленичной неделе справляли «КОРОВЬИ ЗАГОВЕНЫ». К этому дню готовили «масленцу» – сыр с маслом, которые ели подогретыми. «Каровьи загавены в четверг. Уже масленцу у хату приносят. Мать её ужо разагревайт – бывали же марозы. “Ну, типерь, девки, пакуда Масленцу праведѣм, эта всё кушаим, оетый сыр и масла”» (Кун., Иваньково 3283-59).¹⁵ С блинами и сыром женщины ходили на гору *петь песни*. «Блины пякуть всё на Масленке, пиво, оетый сыр з маслом. Зато и песню тагда играють – “сыр ды масло”, на гаре. <...> [Сыр с маслом] насили. Но эта больше песню пели, што “на гару хадили, сырым падсыпали, а маслым заливали”. А так,

бывала, пайдут, так там – у каго сыр вкусный или ня вкусный» (Кун., Усмынь 3286-35; также: Кун., Гламазды 2532-21).

ПРАЗДНИЧНОЕ ЗАСТОЛЬЕ

На Масленицу проводилось в определенном порядке: «Впярёд щи, патом суп, патом каша, а патом блины с сырницей, а патом, после блинов, кто варит авсяный кисель, а кто – клюквенный» (В.-Л., Рудня 1720-15). Каждое из блюд ставили на стол в трех чашках: «Как к нам, бывала, саберутца, к папе пакойнаму как саберутца, там три стала кругом насажены. И на каждый стол – па три чашки, каждава – и шей три, и супу три, и всё. И каши три, и блины на три тарелки (там на чём падают)» (там же).

Широкое распространение получили различные **КАТАНИЯ**, приуроченные к масленичному периоду.

Катались с гор на санках, больших санях, торфяных «ледяшках» («леднях»). «Ледни такие делали. Вот намараживають, какой-та круг делают.

Наливають воду – на мароз, замараживають, и на этих леднях и катались. Да крутая гара! И катилися с Гары прямо в реку туды, па ряке куды хочешь, где гара павыше» (Кун., Боровые 3283-16). «Нам батька сделает какойнибудь ледень – ну, и паехали с гары. Снег па поес! Эта с ребятам, знаешь, на санацках, и на такие ледни (бывала, батька высекет, из льда сделает). Закон такой – Масленца!» (Кун., Войлово 3286-09).

В д. Назимово с горы ездили на больших санях – все наваливались и делали «кучумалу» (Кун., 2564-01).

Пряхи катались с горы на прялках – для того, «чтобы лён родился». В Куньинском районе катание на прялках происходило в «**Кривой понедельник**» – первый день Великого поста (Заовражье 3290-13).

В д. Борок на Масленицу в шутку скатывали с горы печку-чугунку: «Бывала, кто-нибудь вазьмёт такую печачку паставит чугунку. Натискают туда саломи и вот зажгуть, и так эта пад гару и катають на санках. Шутка такая была» (В.-Л., 1743-08).

Катание на лошадях по деревне часто сопровождалось исполнением масленичных песен. «Запрягёт хазяин каня в санки там или у сани, посядут люди на каней, и паехали па дяревни, и песни играють, с писням, во!..» (Кун., Бурщина 3284-02).

По льду Жижицкого озера устраивали «конные бега»: катались наперегонки – «на призы» (Кун., Ольховец 2481-06).¹⁶

Из Назимовской волости имеется рассказ об одном из масленичных бесчинств – «шуток», связанных с традицией РЯЖЕНЬЯ. «Бывала, такой дядька у нас шутной был, делали “бочкай”. Еворазденут дагала, паставят, на сани привяжут – и павезли. Кричат: “Пива цадить!” – из “бочки” из оетай. Ево привяжут, вот он там и калотитца, и дражить. Кричит, вертитца! Привязуть: “Пива будите брать? Пива прадаём, пива бярите!”» (Кун., Назимово 2564-01).

В д. Поречье девушки в Масленицу ГАДАЛИ на замужество – бегали слушать с первым масленичным блином, положенным на голову: «Ну, если, примерна, я дявчонка, взяла б первый блин на галаву да и пашла б к саседям пад дверь слушать или пад акно, што там гаваряць, слушаю. Если скажут: “Иди, иди”, то значить, бягу с радасьцю – замуж выйду. А если скажут: “Сиди. Сядь, пасиди”, – если скажут (в сямьи кто там скажет так), ну, идёшь такой скушный, што замуж ня выйдешь» (В.-Л., Поречье 1740-02а). Обряды проводов Масленицы совершались в последний день масленичной недели – **Прощёное воскресенье**.

ЖГЛИ КОСТРЫ, насаживали на шесты пуки соломы, колеса и зажигали. Ритуальное возжигание огней в Масленицу было связано с особыми местами – возвышенностями, горками, полями.

Чрезвычайно важным представляется упоминание о том, что жечь костры нужно было на том поле, где сеют лен (Кун., Петухи 2559-14).

У костра устраивали складчину («кирмаш»).

Повсеместно существовал обычай ПРОСИТЬ ПРОЩЕНИЯ и прощаться друг с другом в преддверии Великого поста – до Пасхи. «А Масленцу уже в воскресення вечарам ходяць – прашшались па дяревне: и рябяты, и бальшии прашшались. Ну, и я хадила нибальшая. Бывала, придём, старичкам в ноги кланиимся, цалуим их, прашшаимся: “Прастите нас”. – “Гасподь вас прашшаить”. А в Паску там дажа апяць здаровкаютца: “Христос васкрасе – яички дають. Ну, так хадили па дяревне, харашо была» (Кун., Петухи 2559-17).

Масленицу догуливали в **«Кривой понедельник»** – доедали скоромное, катались с гор.

Источник:

Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра. В 2 т. – Псков: Издательство Областного центра народного творчества, 2002. Т.2.